

Чтение детей как национальная ценность

Еще совсем недавно ценность книги и чтения у нас была неоспорима. В 70-80 гг. возник и разделялся многими миф о России как о «самой читающей стране мира». Конечно, это был сравнительно устойчивый образ-миф, но в сравнении с другими странами наши дела в сфере массового чтения были вовсе не плохи. Россия была обществом, которое социологи называли «литературоцентристским». Высокий престиж чтения в обществе, и особенно чтения «серьезной» литературы, классики, произведений в «толстых журналах», книгособирательство и создание своих домашних библиотек - все это способствовало чтению и реально подкрепляло наши представления о себе как читающей стране.

Но на рубеже веков ситуация значительно изменилась. Тяжело идущие реформы, крайняя неравномерность в экономическом развитии регионов, трудности в издании и распространении книг и сравнительно высокие цены на них в условиях бедности большинства населения - все эти и другие изменения приводят к значительным переменам в чтении. Исподволь накапливающиеся проблемы, часть из которых далеко не всегда сразу осознается, привели нас к тому, что картина массового чтения, его престиж, читательские пристрастия и привычки значительно изменились. Но, может быть, эти изменения вовсе не должны внушать нам какие-либо опасения? Ведь постоянно меняются наши взгляды и образ жизни...

Несколько лет назад, при подготовке к Всероссийскому Конгрессу в поддержку чтения, впервые за последние десятилетия мы поставили вопросы, которые раньше показались бы просто невозможными:

«Не угрожает ли чтению в России опасность? Если да, то каким социальным группам? В чем именно она заключается? Каковы причины и какими будут последствия, если мы станем меньше читать? И вообще, насколько и чем это опасно, да и опасно ли? Какова сегодня цена нечтения и ценность чтения?»

С нашей точки зрения, в последнее два десятилетия, начиная с периода 1990-х и по сегодняшние дни, мы находимся в беспрецедентной ситуации кардинального изменения чтения в России, и особенно значительно меняется чтение детей и юношества. Но для того, чтобы воочию увидеть – «почувствовать» эти процессы и понять происходящие тенденции, нам необходимо посмотреть на чтение в широком социальном контексте - «глобально», увидеть чтение целостно - как особый социокультурный феномен, посмотреть на его роль в жизни общества и различных социальных групп. Применительно к детскому чтению это означает, что чтение – это не только задача педагогов по обучению детей элементарным навыкам чтения, это не только задача родителей заинтересовать ребенка какими-то художественными произведениями, это не только задача библиотекарей показать лучшие книги, дело обстоит гораздо сложнее. Чтение детей – это ключ к жизни в информационном обществе.

Известный социолог культуры и чтения С.Н. Плотников, обобщил данные исследователей о типичных отличиях читателей и нечитателей.

Оказывается, читатели отличаются от нечитателей уровнем развития интеллекта. Читатели способны мыслить в рамках проблем, схватывать целое и выявлять противоречия и связь явлений, более адекватно оценивать ситуацию, быстрее находить правильные решения, имеют больший объем памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Они точнее формулируют, свободнее пишут, легче вступают в контакты и приятны в общении, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Таким образом, с точки зрения С.Н. Плотникова, чтение формирует качества наиболее духовно зрелого, просвещенного, культурного и социально ценного человека.

Нам пора изменить свою точку зрения как на чтение в целом, так и, особенно, на детское чтение. Ибо сегодня детское чтение все больше становится чрезвычайно важным феноменом, который определяет уровень культуры будущего общества.

Детское чтение: мифы и реалии

В последние годы возник и развивается миф о том, что дети перестали читать и на досуге играют в компьютерные игры. Тема, ставшая предметом спекуляций целого ряда СМИ: «Заменит ли компьютер книгу?», «Идет вытеснение чтения электронными средствами массовой коммуникации», «Дети совсем перестали читать» - эти и другие подобные высказывания, имеющие под собой ряд вполне объективных оснований, стали волновать широкую общественность и профессионалов, имеющих отношение к проблеме чтения. Волнение по поводу «кризиса чтения», поддержанное в ряде средств массовой информации, можно отнести к разряду «моральных паник». Что такое «моральная паника»? Это, прежде всего, преувеличенная, чрезмерно острая реакция общественности и средств массовой информации на определенные события. В нашем случае, это миф о том, что «дети перестали читать».

Однако так ли это? Сегодня нам особенно необходимо знание реальной картины детского чтения, картины, которая опиралась бы не только на эмоции и личностный опыт, но имела бы под собой реальные основания.

Прежде чем ответить на них, а также провести анализ ситуации, складывающейся с чтением в России, вначале обратимся к мировому опыту. Именно мировой опыт дает нам объяснение многих процессов, происходящих сегодня в чтении детей в России. Это связано с тем, что в конце 1990 - х гг. и на рубеже веков многие процессы в нашей стране в значительной мере сходны с процессами, которые шли на Западе 10-15 лет назад.

В мире «слабых читателей»

Изучение читательского поведения детей и взрослых ведется во всех развитых странах мира. В 80-е гг. внимание общественности привлекла проблема так называемой «функциональной неграмотности» значительной части населения стран Европы и США.

Что такое функциональная неграмотность? Этот феномен неадекватен традиционному представлению о неграмотности. По определению ЮНЕСКО, этот термин применим к любому лицу, в значительной мере утратившему навыки чтения и письма и неспособному к восприятию короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни. Функционально неграмотные - это «вторично неграмотные» - то есть те, кто умел читать и писать, но в какой-то мере утратил эти навыки, во всяком случае, утратил их настолько, чтобы эффективно «функционировать» в современном, все усложняющемся обществе.

Проблема оказалась настолько острой, что 1990 год по инициативе ЮНЕСКО был провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом грамотности.

Проблемой функциональной неграмотности были крайне озабочены и другие развитые страны. В Канаде в начале 1990-х гг. почти четвертая часть населения была отнесена к функционально неграмотным; при этом среди них более половины окончили среднюю школу, а десятая часть имела университетский диплом. В Германии в середине 1990-х гг. насчитали около четырех миллионов вторично неграмотных; во Франции в 1996 году около 20 % трудоспособного населения с трудом могло читать и писать.

По мнению французских исследователей, не все функционально неграмотные люди могут быть отнесены к лицам, отторгнутым в обществе в профессиональном или экономическом смысле. Однако все они в той или иной степени ограничены в культурном развитии и оторваны от социального и интеллектуального общения.

Обычно «функционально неграмотными» становятся люди из семей эмигрантов, то есть те, кто в быту говорит на «своем» языке, отличающемся от языка, на котором принято говорить в данной стране. Эта проблема чрезвычайно актуальна для многих стран мира. Однако выяснилось, что проблема «функциональной неграмотности» носит сложный характер, и такими людьми могут быть не только дети эмигрантов, но и коренные жители.

Независимо от возраста, занимаемого экономического положения и жизненного опыта, функционально неграмотного человека можно охарактеризовать следующим образом: слабая учеба в школе, негативное отношение к учреждениям культуры из-за неумения пользоваться ими и т. д. Группа людей, наиболее близко стоящая к функционально неграмотным или в какой-то мере совпадающая с ними, называется «слабыми читателями», для которых характерно «пассивное» чтение. Сюда относятся взрослые и дети, которые не любят читать. Эта группа читателей была в 1990-е гг. исследована французскими социологами. В своей книге «Чтение во Франции» Катрин Куно дает «портрет» такого читателя.

Определение «слабый читатель» указывает на уровень овладения культурными навыками. Обычно «слабого читателя» представляют как человека, у которого нет времени для чтения. В действительности же речь идет о причине психологического характера: ни его жизненные обстоятельства, ни профессиональная ориентация не способствуют превращению чтения в постоянную привычку. Он читает от случая к случаю и не тратит на это много времени, считая это занятие нецелесообразным. В чтении такие читатели обычно ищут "полезную" информацию, то есть информацию, носящую практический характер. Кроме того, в окружении этого человека чаще всего мало читают и редко говорят (либо вообще не говорят о книгах). Для этой категории читателей мир культуры находится за порогом собственной необразованности: библиотека вызывает чувство робости и ассоциируется с учреждением, предназначенным для посвященных, книжные магазины также предлагают слишком большой выбор, что скорее является препятствием, чем стимулом, побуждающим к чтению. Школьное литературное образование, полученное в детстве, и брошенное на малоподготовленную почву, вызывает скорее отторжение от литературы - во многом благодаря принудительному характеру обучения - и также не способствует развитию интереса к чтению и навыкам самообразования.

«Детские корни» феноменов «слабого чтения» и функциональной неграмотности

Многие исследователи "слабого чтения" и функциональной неграмотности полагают, что причины развития этих явлений лежат в раннем детстве и проистекают не только из школьного, но также из дошкольного периода развития личности ребенка. И огромную, решающую роль здесь играют семья, ее социокультурная среда и читательская культура родителей. Уровень грамотности и культуры чтения детей и подростков в последние десятилетия вызывает обеспокоенность у родителей, учителей, библиотекарей в разных странах.

Благодаря исследованиям (например, немецкого ученого Р. Лемана) сейчас точно известно, что вторичная неграмотность развивается в раннем возрасте, а именно, в третьих классах, после того, как дети только научились читать и писать. Чем характеризуются дети - «слабые читатели»? Прежде всего тем, что им скучно и утомительно читать. Но у этих читателей есть и другие особенности. И самые типичные из них - это различные ошибки в чтении, потеря ритма. Многие из них относятся к чтению, как к тяжелому труду. Хотя они и умеют читать, многие из них делают это только в силу необходимости, для подготовки к занятиям.

Возникшая в детстве нелюбовь к чтению и трудности при восприятии текста, как правило, сопровождают потом человека всю жизнь. И хотя большую часть среди функционально неграмотных в развитых странах обычно составляют бывшие эмигранты и их дети (изначально говорившие на другом языке), в целом слой таких людей довольно значителен. Западные исследователи подчеркивают, что эта группа людей достаточно велика сегодня в любом, даже самом развитом обществе, имеющем культурные традиции.

Предыстория: «кризис чтения» на Западе

Педагоги, библиотекари, воспитатели и широкая общественность во всех развитых странах в 80-е гг. интенсивно обсуждали проблемы так называемого «кризиса чтения», и особенно - чтения детей и юношества. В этот период были отмечены общие тенденции: падение престижа чтения и сокращение времени, уделяемого чтению на досуге, значительные различия в чтении мальчиков и девочек, юношей и девушек. В 90-е гг. развитие этих процессов продолжается во многих странах. Так, например, значительный спад интереса к чтению отмечается у групп школьников и молодежи в Швеции. В Германии сегодня у детей СМИ (и особенно телевидение) на первом, а чтение на втором месте. И здесь около трети подростков недостаточно умеет читать и писать, т.е. потенциально являются функционально неграмотными взрослыми.

Во Франции в 90-е гг. роль чтения в жизни французских подростков и молодежи значительно уменьшилась. Среди подростков 8-16 лет 25 % в 1992 году за три месяца не прочли ни одной книги (в 1988 г. - 18 %). Каждый второй подросток считал, что чтение - это усилие. У студентов чтение также не являлось любимым занятием. Помимо конспектов и газет они прочитывали одну - две книги в месяц, при этом романы читали лишь четверть опрошенных. Каждый второй не смог назвать автора «Трех мушкетеров». Читать они предпочитали современников, и лишь один из десяти хотел бы что-либо почитать в свободный вечер.

В Англии, согласно результатам социологического исследования детского чтения, проведенного в 1994-1995 гг., наблюдалась тенденция к уменьшению чтения детьми книг

по мере взросления: чем старше они становятся, тем меньше читали. Кроме того, английские школьники в 1990-е гг. значительно меньше читали романы Ч. Диккенса, В. Скотта и А. Конан Дойла, которые традиционно входили в круг чтения.

Процессы развития «вторичной» - функциональной неграмотности как взрослых, так и юношества наблюдались и в странах Восточной Европы. Ухудшение навыков чтения и письма во второй половине 1990-х гг. было отмечено в Польше.

В США проблема чтения получила общенациональное звучание после доклада «Нация в опасности» (в 1983 г.), когда были обнародованы цифры о большой социальной группе функционально неграмотных Америки, согласно которым функциональная неграмотность среди юных составляла 17 %. С этого времени проблема чтения находится в центре постоянного внимания. Здесь огромное влияние на чтение оказывают СМИ, и особенно телевидение. Как выяснилось, именно телепередачи являются «воспитателем, практически не имеющим себе равных». Исследование большой группы школьников 7-13 лет показало, что их успехи в учебе зависели от количества времени, которое они посвящают просмотру телепрограмм. Выяснилось, что чем меньше времени они проводят перед телевизором, тем лучше учатся. Причем в старших возрастных группах эта разница особенно заметна.

В развитых странах Востока наблюдались сходные процессы. В Японии в 1990-е гг. детей называли «тэрэбико» — «дети телевидения». В этот период дошкольники проводили у экрана от трех до шести часов в день. Наиболее распространенные виды досуга юных горожан были просмотр телепередач, чтение журналов и комиксов, а также компьютерные игры.

Спад интереса к чтению и падение его престижа, так же, как и понижение читательской активности больших социальных групп населения в 80-90 гг. распространяется в ряде западных стран. И особенно заметно это сказывается на детском чтении. Смещение чтения в ряду досуговых занятий детей и подростков, отмечавшееся западными социологами в 80-е годы, в 90-е гг. становится устойчивым.

Однако взгляд на процессы, происходящие в чтении, которые воспринимались в 80-е годы на Западе, как «кризис» в чтении, в 90-е годы претерпел значительные изменения. Сегодня многие исследователи отмечают, что вследствие процессов модернизации, процесс чтения, его престиж и роль претерпевают значительные изменения. Усложнившаяся жизнь, обилие информации, повышение скорости происходящих процессов, новые требования к образованию и уровню квалификации работающих, интенсивное развитие аудиовизуальной культуры - все это и многое другое в совокупности приводит к тому, что меняются мотивы чтения и в целом оно меняет свой характер: оно становится более функциональным и инструментальным, а также в чем-то более прагматичным. Все больше людей читают для того, чтобы получить информацию, для самообразования, для получения конкретных сведений и проч. В то же время, у многих чтение на досуге становится более легким, развлекательным, рассматривается как средство приятного отдыха (например, чтение детективов и «дамских» романов). И в то же время постепенно уходит «чтение для души» (что особенно проявляется на падении интереса к классической литературе). Это - объективные процессы, и сегодня ситуация с чтением в России во многом повторяет аналогичную, развивающуюся на Западе на 10-20 лет раньше.

Одна из характерных черт в 90-е гг. на Западе: продолжающееся падение интереса к чтению и читательской активности у различных групп населения, особенно у юных, и в то же время возрастание интереса к «экранной» культуре.

Текст и экран: проблемы восприятия информации

Сегодня передачи транслируются по десяткам каналов. Есть и специальные каналы для детей и молодежи. Именно на Западе, начиная с 70-х гг., проводилось множество дискуссий, проводились исследования, обсуждались проблемы отличия процессов чтения и телесмотрения, их взаимовлияния.

Согласно данным ряда исследований, в восприятии человеком печатного и телевизионного каналов СМИ есть своя специфика. Печатная информация - труднее усваивается и запоминается. Однако именно эта информация лучше структурирована и именно она накоплена человечеством в виде книжной вселенной Гуттенберга. Информация в виде текстов - основа любого процесса образования и самообразования. Кроме того, велика роль чтения при создании человеком своей индивидуальной модели культуры (которая сегодня так часто воплощена у образованных людей в коллекции книг их домашней библиотеки).

Аудиовизуальная информация значительно легче осваивается и легкодоступна. Но она, как правило, представляет из себя «мозаику» разрозненных и несистематизированных сведений, фрагментарна и полна стереотипов.

В отсутствии потребности в чтении у детей, как правило, не развивается привычка к сосредоточенному вниманию, умению интеллектуально трудиться. Ведь чтение - это труд, который в первую очередь и делает человека мыслящим.

Цена нечтения и малограмотности

Осознание проблемы функциональной неграмотности позволило понять, что именно она приводит к тому, что в результате недостаточных навыков чтения миллионам людей трудно справиться с ответственностью повседневной жизни. Например, трудно помочь своему ребенку, когда у него возникают проблемы в учебе, заполнить декларацию о доходах, разобраться в инструкциях к лекарству. А какие проблемы ждут такого избирателя, когда наступает время выборов, ведь чтобы разобраться в предложениях кандидатов и политических партий, он должен не только уметь читать, но и понять, проанализировать тексты их программ...

Возникают проблемы и с бытовыми электроприборами, невозможность разобраться в инструкциях к ним ведет к их порче, а иногда и к бытовым травмам, функционально неграмотным трудно освоить работу на компьютере, и т. д. По мнению специалистов, функциональная неграмотность является одной из главных причин безработицы, аварий, несчастных случаев и травм на производстве и в быту.

И тогда цена нечтения - цена полуграмотности стала осознаваться в странах Запада не только как проблема учителей, но и как общегосударственная проблема, получившая общественное звучание. Как выяснилось, эта цена оказалась высокой. И эти потери стали подсчитывать специалисты. Например, исследователь Д. Козол еще в 1985 г., приводя цифры о функционально неграмотных американцах, писал: «неграмотность берет тяжелую пошлину с нашей экономики, влияет на нашу политическую систему, и, что еще

более важно, на жизнь неграмотных американцев". Тогда потери от нее за несколько лет составили, по подсчетам специалистов, около 237 миллиардов долларов.

И сегодня, когда особенностями современного развития общества являются информатизация, развитие высоких технологий и усложнение социальной жизни, цена малограмотности и неумения читать и анализировать информацию становится особенно высокой. Конкурентоспособность развитых государств, их участие в мировом рынке разделения труда все сильнее зависит от уровня образования работников, их умения и способности к постоянному повышению квалификации. Самообразование становится непрерывным, длящимся в течение всей жизни.